

РАЗДЕЛ IV. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

История Древнего мира и Средних веков

УДК 94

Гриценко В.А.

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О ВАРВАРИЗАЦИИ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АРМИИ

V. Gritsenko

Moscow State Regional University

TO THE ISSUE OF BARBARIZATION OF LATE ROMAN EMPIRE ARMY

Аннотация. Статья посвящена варваризации римской армии как важнейшему элементу ее развития в эпоху Поздней империи. Установлено, что варвары энергично заимствовали римское вооружение и тактику, но не наоборот. Варвары (германцы) в армии стали многочисленны, но не составляли в ней большинства ни среди солдат, ни среди офицеров. Армия Империи сохранила свой римский облик. Варваризация не играла важной роли в развитии римского военного дела, особенно вооружения и тактики. Произошла сильная романизация варваров в военной сфере. Последствия ее чувствовались на протяжении всего средневековья.

Ключевые слова: варваризация, личный состав армии, наступательное вооружение, оборонительное вооружение, офицерский корпус, романизация.

Abstract. The article is dedicated to the issue of barbarization of the late Roman Empire army, which is represented as a significant element of its development. It is argued that barbarians drastically borrowed the Roman armament and tactics but not vice versa. Barbarians (Germans) became numerous in the army but they did not form the majority either among soldiers or officers. The imperial army preserved its Roman character. Barbarization didn't play important role in the development of the Roman art of war. The barbarians became romanized in military sphere especially in their armament and tactics. Consequences of this Romanization were felt throughout the whole period of the Middle Ages.

Key words: barbarization, personal composition of the army, offensive armament, officers corps, defensive armament, Romanization.

Сперва следует определиться с тем, каково наше понимание термина «варваризация». По сути, варваризация – особая разновидность процесса ассимиляции, когда более развитые общества уподобляются менее развитым в различных сферах.

Таким образом, варваризация римской армии эпохи Домината – это, во-первых, изменение этнического состава за счет появления значительного количества солдат и командиров варварского происхождения; во-вторых, заимствование римлянами у них элементов вооружения, организации и тактики.

© Гриценко В.А., 2011.

Наиболее значимыми областями варварского влияния в военной сфере, где можно определить уровень варваризации римской армии, являются вооружение и личный состав. Поэтому, стараясь определить масштабы варваризации римской армии эпохи Домината, внимание будет сосредоточено на анализе процессов, происходивших в этих областях. При этом под варваризацией подразумевается в основном германизация, так как именно германцы являлись главным варварским противником Рима в эпоху Домината и сыграли наибольшую роль в судьбе поздней римской истории.

Еще в конце периода Республики в основном сформировался римский комплекс вооружения. Рим, победив Карфаген, стал самой мощной в военном отношении державой Средиземноморья, и его армия не имела равных себе в течение длительного периода. Поэтому у римлян не имелось причин внести какие-либо принципиальные изменения в свой комплекс вооружения и тактику, хотя отдельные новинки они заимствовали, безусловно. Это их враги должны были перенимать вооружение и тактику римлян, чтобы иметь возможность устоять против римского натиска.

Хотя развитие римской армии в императорский период не стояло на месте, но в целом до конца античного периода тяжелая пехота играла главную роль. Изменения заключались преимущественно в том, что пехота становилась более гибкой, разнообразной и специализированной благодаря возрождению легкой, в особенности стрелковой, пехоты в эпоху Поздней Империи. Наконец,росло значение конницы, как за счет роста ее численности, так и улучшения и дифференциации вооружения. Здесь нет нужды даже кратко описывать то, как проходили изменения в этой сфере. Поэтому перейдем прямо к рассмотрению того, как происходил данный процесс у варваров, в первую очередь германцев.

Превосходство римлян в вооружении основывалось в немалой степени на наличии системы государственных оружейных

мастерских, размещавшихся в районах наибольшего скопления войск, то есть на рейнско-дунайской границе и Востоке, которых насчитывалось не менее 40 [4, 14]. Германцы ничего подобного не имели. Поэтому их вооружение в течение длительного времени было весьма слабым. У Публия Корнелия Тацита отмечается, что из-за нехватки железа германцы не делали больших мечей и копий и использовали копья-фрамеи и дротики. Причем нередко копья имели наконечники, просто обожженные на огне. Защитное вооружение было представлено главным образом щитами. Панцири, тем более металлические и кожаные шлемы, носили немногие. [6, О происхождении и месторасположении германцев. б; *Анналы*. II. 14. 4]. Да и в VI в. ситуация с вооружением часто оставляла желать лучшего. К примеру, Агафий Миринейский отмечает, что франки имели относительно неплохое наступательное вооружение, состоявшее из обоюдоострых секир, мечей и окованных железом и снабженных загнутыми книзу шипами дротиков (ангонов). Защитное вооружение, за исключением щитов, почти отсутствовало, если не считать используемых некоторыми воинами шлемов [1, О царствовании Юстиниана. II. 5]. Причем и в эпоху Принципата, и во времена ранней Византии германцы, во всяком случае, западные, сражались обычно пешими. Характерно, что франкские командиры при Меровингах обучали солдат согласно наставлениям Вегеция и отчасти Маврикия [8, 86-87], что служит косвенным подтверждением использования франками в VI-VIII вв. оружия преимущественно римских типов.

Вне всякого сомнения, если эти сведения и являются преувеличенными, то общая ситуация с вооружением у германцев отражена верно. В этом убеждают данные археологии, позволяя в то же время уточнить сведения древних авторов. Можно указать на находку маленького судна в местечке Хьортспринг (Hjortspring) на юго-востоке Ютландии, которое, видимо, было принесено в дар богам. В нем обнаружено большое количество различного вооружения. Правда, датируется эта

находка приблизительно 350 г. до н.э. Однако состав вооружения в значительной степени отражает данные античных авторов. Так, среди наступательного вооружения представлены 11 коротких однолезвийных мечей, скрамасаксов, но заметно преобладают копья и дротики различных типов. Их найдено в общей сложности 104. Луки отсутствуют, зато в большом количестве были обнаружены камни. Что касается защитного вооружения, то при наличии 10 кольчуг, кстати, самых ранних среди найденных в Европе, основным его видом служили деревянные щиты. Их найдено 63 или 65. Такого вооружения хватило бы для 4 мечников, скорее всего, командиров, и 18 копейщиков [13, 156-157].

Для IV в. н.э. состав вооружения известен благодаря находкам с юга Ютландии в Эйсбеле (Ejsbøl) и Нидаме (Nydam). В первом найдено вооружение для приблизительно 60 мечников, включая 12-15 человек командного состава с 9 лошадьми, и 1-2 отрядов пеших копейщиков общим числом 120 человек, вооруженных каждый одним копьем, дротиком и щитом. Во втором было обнаружено вооружение для отряда мечников (с копьем, дротиком и щитом) и 240 копейщиков с одним копьем, дротиком и щитом, а также большой группы воинов, вооруженных топорами. Отмечается увеличение количества находок длинных обоюдоострых мечей [13, 159]. В целом от эпохи Великого переселения народов (III-V вв. н.э.), совпадающей с периодом существования Поздней империи, дошло большое количество коротких и длинных римских мечей из различных областей Скандинавии и Северной Германии. Тем же временем, кстати, датируются и многие клады золотых монет и вещей, которые могли являться как добычей, так и платой германским наемникам, служившим в римской армии [12, 163]. Обращает на себя внимание, что количество мечей возрастает, в результате чего в IV в. мечники теперь находятся в соотношении с копейщиками как 1:2. Во всяком случае, оно выше, чем для более раннего периода, где на одного мечника приходилось 4-5 копейщиков, хотя и не слишком. Также

растет популярность и боевого топора, хорошо знакомого позднее англосаксам, скандинавам и франкам. Если исключить боевой топор как оружие, практически не использовавшееся римлянами, то становится очевидным постепенное возрастание римского влияния на германцев. Причем освоение комплекса римского вооружения неизбежно вело к перениманию, хотя бы в общих чертах, и римской тактики.

В целом можно констатировать, что в эпоху Великого переселения народов и тем более раннего средневековья германцам были хорошо известны все виды наступательного и оборонительного вооружения, которые использовали римляне [4, 196-198], хотя они, безусловно, не во всем следовали римлянам в этом отношении. При этом можно уверенно заключить, что германцы встали на путь усвоения римского вооружения и, соответственно, тактики.

Таким образом, можно утверждать, что отнюдь не римляне перенимали варварское (германское) вооружение и тактику. Им это было, по большому счету, не нужно. Достаточно кратко рассмотрев имеющиеся данные, можно сделать заключение, что происходила романизация вооружения и тактики варваров, в первую очередь германцев.

Обращаясь к вопросу о варваризации личного состава римской армии Поздней империи, следует помнить, что римляне издавна привлекали в армию варваров. Можно отметить, что кельты и испанцы в значительной степени составляли костяк кавалерии римских армий Красса и Антония, сражавшихся против парфянских войск [5, Красс. XXVII; Антоний. XXXVII]. Вспомогательные войска из германцев и кельтов играли немалую роль в составе армии Агриколы во время кампании в Северной Британии [6, Жизнеописание Юлия Агриколы. 36]. С другой стороны, римские вспомогательные войска на рейнской и дунайской границах еще в конце II в. в большинстве своем состояли из римских граждан [9, 285].

Варваризация личного состава армии Поздней империи имела глубокие корни. В

то же время она была неравномерна, определяясь временем, местом нахождения части, положением в военной иерархии и принадлежностью к легионам или вспомогательным войскам.

Надо помнить, что в эпоху Принципата армия обычно нуждалась в 20 тыс. рекрутов в год [10, 83] при численности около 250 тыс. чел. Римская армия насчитывала около 400 г. – 650 тыс. чел. номинально, хотя реально ее численность была около 450 тыс. [10, 72-78]. Соответственно, в мирное время ежегодно требовались 40-45 тыс. новобранцев. Понятно, что без привлечения варваров этого было сделать нельзя. Однако их общая численность была невелика, составляя не более 1 млн. человек в V-VI вв., которые расселились на обширной территории империи. Между тем в ее западных провинциях проживало около 15 млн. человек [3, 112]. Какое-то количество варваров также жило за пределами бывших римских границ. С учетом низкого уровня развития у них сельского хозяйства и миграций в империю, Рим не мог рассчитывать только на набор варваров. Это верно даже с учетом того, что для первобытных обществ уровень мобилизации составляет 20-25 %. Таким образом, даже такая масштабная акция, как привлечение в армию 70 тыс. германцев и сарматов при Диоклетиане, не могла покрыть потребности империи в рекрутах, пусть и за 2 года мирного времени. А в эпоху же Домината войны случались часто. Варварами же укомплектовывались, надо полагать, именно боевые части. Поэтому полной варваризации армии не могло произойти.

При определении этнического происхождения воинов римской армии возникает несколько проблем. Во-первых, варвары могли носить римские имена, равно как и граждане империи, будь то сами римляне, греки, кельты или жители восточных областей – носить варварские. Во-вторых, источников от периода III-V вв. дошло очень мало, особенно эпиграфических надписей, которые так любили делать римские воины на надгробных памятниках своих товарищей. Косвенно это

указывает на то, что армия теперь пополнялась в основном варварами либо неграмотными провинциалами. Однако данное, логичное, по сути, утверждение все-таки должно быть доказано. В-третьих, *Notitia Dignatum*, основной источник по римской армии около 400 г. н.э., буквально пестрит названиями различных частей, образованных от имени того или иного племени варваров. Но состояли ли эти воинские части из них, неясно.

Первая проблема разрешима только, если бы были указания на происхождение солдат и офицеров, включая тех, кто носил римское или греческое имя, чего ожидать при нынешнем комплексе источников не приходится.

Сейчас ясно, что варварские наименования частей означают лишь то, что когда-то они были набраны из представителей того или иного народа либо племени [14, 18-20]. Впоследствии, как правило, войска комплектовались местными уроженцами, включая детей воинов данного соединения, отцы которых могли быть варварами. Об условности наименования того или иного подразделения говорит упоминание в ND среди подразделений *auxilia palatinae* латинян и сабинян [11, Occidens. V], тогда как соответствующие этнические группы к тому времени давно исчезли.

Серьезное увеличение численности варваров в римской армии произошло после поражения под Адрианоподем в 378 г., когда вместе с императором Валентом погибли 2/3 полевой армии востока империи. Острая нужда в обученных солдатах тогда заставила нового правителя Востока Феодосия набирать всех подряд, следствием чего стало увеличение количество варваров в войсках.

Но и здесь все не так просто. У нас есть определенные данные эпиграфики о составе 23-х подразделений римской полевой армии, размещенных в Галлии в 394-395 гг., чьи солдаты и их жены были похоронены на кладбище Конкордия. Предполагается обычно наличие большого количества варваров именно в полевых войсках, тем более на границе с Германией. Кроме того, в 394 г. войска Феодосия со значительными потерями пода-

вили языческий мятеж Арбогаста и Евгения, которые сумели привлечь на свою сторону римские войска, дислоцированные на западе империи. Не приходится сомневаться, что римская армия была в значительной степени обескровлена. Значит, в тот период осуществлялся широкомасштабный набор солдат и офицеров.

Итак, из 39 имен, содержащихся в надписях из Конкордии, германские и в частности готские имена носили только 14 человек (чуть больше трети). Даже с учетом романизации среди похороненных варвары вряд ли могли составлять более 50 %. Остальные носили римские, а также кельтские имена (9 человек). Еще у 4 похороненных на кладбище солдат имена неизвестного происхождения. Что касается последних 4 имен, то они могут иметь как готское происхождение, так и кельтское. Здесь, скорее всего, отражена ситуация после 378 г., когда Феодосий предпринял масштабный набор людей для восполнения потерь. До того варваров в войсках было меньше, может быть, значительно. Что касается востока империи, то там среди известных имен преобладают римские и греческие [10, 104-114]. Кроме того, римляне не стремились поддерживать этническую однородность подразделений, памятуя о возможных последствиях. Поэтому они ставили во главе подразделений своих командиров, а также старались разбавлять их состав за счет офицеров и опытных солдат римского происхождения еще в период Принципата [6, Жизнеописание. 28]. Таким образом, даже в частях мобильных войск из Галлии доля варваров после событий 378-394 гг. не слишком велика.

При определении уровня варваризации армии важным является установление этнического состава офицерского корпуса. Действительно, здесь присутствие варваров, особенно среди высших офицеров, проявляется наиболее заметно, тогда как в республиканскую эпоху и период Ранней Империи римляне явно преобладали.

Если рассмотреть количественные показатели, то в период между смертью Константина I в 325 г. и 378 г. из 35 человек, занимавших

высший в армейской иерархии того времени пост магистра пехоты (*magister militum*) и известных нам по именам, варварами были только 6 (17 % от общего числа). Еще 4 человека могли иметь варварское происхождение. В таком случае количество варваров возрастает до 30 % [10, 101-102]. К тому же эти цифры не отражают того, как эти люди себя ощущали. Многие из них были потомками заложников или политических иммигрантов, оставаясь варварами лишь по именам, и связывали свою жизнь только с Римом.

В заключение надо отметить, что важным показателем сохранения римского характера армии является использование латинского языка в качестве средства общения в армейской среде. Он был вытеснен из армии греческим языком, пожалуй, только в VII в. Но остатки латинской военной терминологии сохраняются даже в византийском трактате X в. «Тактика», приписываемом императору Льву [7]. Если бы германцы действительно преобладали среди военных, германские языки и диалекты в армии были бы более распространены.

Таким образом, изменения этнического состава римской армии в эпоху Домината были не так значительны даже после 378 г., тем более в восточной части империи. Сам по себе процесс варваризации личного состава армии не вел к однозначно плохим или хорошим результатам. Тем более, что варвары сами в конечном итоге романизировались в той или иной степени.

Можно сделать заключение, что уровень варваризации римской армии эпохи Домината действительно вырос. Но он был ниже, чем обычно считается, особенно в области вооружения и тактики, хотя и личный состав оставался в значительной степени римским.

Основной причиной было значительное превосходство Рима над варварами в военной сфере, достигшее еще при Республике столь высокого уровня, что римляне в период Империи могли обойтись без существенных заимствований в данной области у варваров и сохранять в ней лидерство в течение долгого времени.

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что шел процесс романизации варваров в военной области. В результате римское наследие продолжало оказывать мощное влияние на развитие военного дела европейских государств до конца средних веков.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / пер. с греч. Левченко М.В. М.-Л., 1953. 221 с.
2. Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. с лат. Кулаковского Ю.А., Сонни А.И. СПб.: Алетейя, 2000. 558 с.
3. Андерсон П. Переходы от античности к феодализму / пер. с англ. А. Смирнова. М.: Территория будущего. Нет даты. 288 с.
4. Контамин Ф. Война в Средние века / пер. с фр. Ю. Малинина и др. СПб., 2001. 416 с.
5. Плутарх. Сравнительные жизнеописания / пер. с греч.. Маркиша С.П. М.: Альфа-книга, 2008. 1262 с.
6. Публий Корнелий Тацит. Анналы. Малые произведения. История / пер. с лат. Кнабе Г.С. М.: Ладомир, 2001. 986 с.
7. «Тактика Льва» (главы III-VI) / пер. с греч. Кучмы В.В. // Византийский временник. № 68 (93)/2009. М.: Наука, 2009. С. 280-299.
8. Bachrach B.S. Early Carolingian Warfare: Prelude to Empire. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. 430 p.
9. Gilliam J.F. Romanization of the Greek East: The Role of the Army // Roman Army Papers. Vol. II. Amsterdam, 1986. P. 281-288.
10. Nicacie M.J. Twilight of Empire: The Roman Army from the reign of Diocletian until the battle of Adrianople. Amsterdam, 1998. 321 p.
11. Notitia Dignatum utriusque imperii // Hrsg Seeck O. Berlin, 1876. 217 s.
12. Olausson M. Fortified manors in the Migration Period in the eastern part of central Sweden – a discussion of politics, warfare and architecture // Military aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, AD. 1-1300. Copenhagen, 1997. P. 157-168.
13. Randsborg Cl. From Bronze to Iron: The Rise of European Infantry // War as a Cultural and Social Force: Essays on Warfare in Antiquity. Copenhagen, 2001. P. 155-165.
14. Southern P, Dixon C.R. The Late Roman Army. New Haven and L.: Yale University Press, 1996. 206 p.